

УДК 323.1:94:008(=19)

*В.З. Акоюн***ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЛЮТЕРАНСКИХ ПРИХОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920–1930-е ГОДЫ**

В статье рассматривается конфессиональная политика центральных и региональных властей в отношении лютеранских приходов на Дону и Северном Кавказе в первые десятилетия советской власти. В результате антирелигиозной политики в 1930-е гг. были ликвидированы лютеранские приходы, закрыты культовые сооружения, репрессировано духовенство.

Ключевые слова: Юг России, Евангелическо-лютеранская церковь, конфессиональная политика, российские немцы, пасторы, церковный приход, репрессии, депортация.

В связи с тем, что в досоветский период религия в России выступала как основа национальной самоидентификации, советская власть вынуждена была на начальном этапе своей конфессиональной политики по отношению к национальным меньшинствам и их религиозным объединениям не проявлять такую же жесткость, как к православному духовенству. Заигрывая с неправославным духовенством, власть надеялась на его лояльность и даже на поддержку со стороны национальных меньшинств страны и их религиозных собратьев за рубежом. Большевики надеялись использовать сохранявшееся настороженное отношение иноконфессиональных организаций к бывшей государственной Русской православной церкви (РПЦ), считая её главным оппонентом советской власти.

Советская власть на Дону и Северном Кавказе утвердилась только в 1920 г. Поэтому реализация законодательных актов в отношении религиозных обществ здесь начиналась на несколько лет позже, чем в других регионах РСФСР, и имела специфику в связи с пестрым социальным, национальным и конфессиональным составом населения. Более того, военно-коммунистические методы борьбы с религией здесь осуществлялись в более короткие сроки, чем в Центре, так как уже в следующем году наступает период нэпа с более либеральной политикой в указанной сфере.

Из прагматических соображений до конца 1920-х гг. советская власть не препятствовала деятельности ряда протестантских конфессий (лютеранство, меннонитство, реформаторство), объединивших большую часть немцев, эстонцев и представителей ряда других европейских этносов, проживавших на Юге России. Причем лютеранские общины региона по численности уступали только верующим РПЦ, Армянской апостольской церкви и мусульманам.

Лютеранство, одно из крупнейших направлений протестантизма, возникло в 1517 г. в Германии. Основные принципы этого вероучения были сформулированы Мартином Лютером в ходе его борьбы с Римско-католической церковью (РКЦ). Реформация – более радикальное протестантское вероучение, возникшее в XVI в. и представлявшее собой одно из основных течений кальвинизма. Если в Европе эти два направления были достаточно далеки друг от друга, то в России (не без влияния царских властей) произошло фактическое их слияние. На основании закона о Евангелическо-лютеранской церкви (ЕЛЦ) в 1832 г. реформатская община присоединялась к ЕЛЦ. Причем раньше всего это происходило на Юге России [14; 29].

На рубеже XIX–XX вв. на территории Юга России существовало несколько евангелическо-лютеранских приходов. В 1835 г. был создан пятигорско-кавказский, объединявший в начале XX в. 5659 верующих. Приходы городов Ставрополя (7760 чел.), Владикавказа (6800 чел.), Пятигорска, Таганрога, Ростова-на-Дону, Екатеринодара и Новороссийска (3500 чел.) имели самостоятельные церковные советы. Они в свою очередь формировали свои филиалы. Так, Владикавказский евангелическо-лютеранский приход имел филиалы в Армавире (с октября 1884 г.), Грозном (с 1905 г.), Моздоке (с 1905 г.) и Хасав-Юрте (с 1907 г.) [19; 24; 25].

Все эти приходы подчинялись Консistorии, расположенной в Москве. Высшим церковным органом была Генеральная консистория в Санкт-Петербурге. На местах управление осуществлялось церковным советом, в состав которого входили по одному представителю от каждой сельской общины и по три-четыре — от каждой городской [25; 26; 29]. Не во всех филиалах были свои пасторы, поэтому такие приходы регулярно посещали лютеранские пасторы из Владикавказа, Пятигорска или Ростова-на-Дону. Например, для венчания и осуществления других обрядов в Армавир, где в 1898 г.

закончилось строительство лютеранского молитвенного («школьно-молитвенного») дома, часто приезжал пастор Пятигорского евангелического общества Эмиль Фридрих Бонвеч (1861 — после 1928 г.) [24. С. 50–52; 8. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 171]. Между визитами пасторов или даже вместо них (в более отдаленных колониях) религиозные потребности и обряды выполняли кистеры, которые не причислялись к духовенству и служили по найму. Как правило, кистером был учитель. Само немецкое слово *der Kusterlehrer* переводится на русский язык как церковный учитель.

В начале XX в. на Юге России образовалась разветвленная сеть лютеранских общин. Например, накануне Первой мировой войны только на Кубани на государственных и купленных немцами землях было основано 13 немецких колоний, с населением, исповедовавшим лютеранство [12; 16. С. 27-30]. Колонистами в Кубанской области и Черноморской губернии к началу XX в. построено примерно 20 лютеранских церквей и молитвенных домов. Церковные здания были в Екатеринодаре, Ейске, Новороссийске и в селе Джигинка. В остальных местах верующих обслуживали школьно-молитвенные дома [24. С. 50–57; 8. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 172].

Ещё больше культовых сооружений евангелическо-лютеранского вероисповедания находилось на Ставрополье и Тереке. По сведениям на 1888 г., в Ставропольской губернии их действовало 21, в Терской области – 6 [10. С. 260]. В последующие годы количество их увеличилось. При лютеранских церквях действовали учебные заведения. Так, в 1882 г. во Владикавказе было открыто евангелическо-лютеранское приходское училище, попечителем которого был генерал-лейтенант Николай Оттович фон Дуве [18. С. 136].

Царизм и РПЦ настроенно относились к протестантизму. Все попытки обратить немцев и других адептов протестантизма в православие окончились неудачей. Колонии, где проживало около 95 % немцев Юга России, были замкнутой системой, отчужденной от остального населения, что позволяло им сохранять свою этноконфессиональную идентичность.

После утверждения советской власти на Дону и Северном Кавказе протестанты не сразу испытывали на себе масштабное давление со стороны властей. Большевики на начальном этапе своей антирелигиозной политики рассматривали протестантов, в частности ЕЛЦ, как силу, противостоящую главному их оппоненту на «конфессиональном фронте» – РПЦ. Терпимое отношение советских властей также объяснялось теплыми отношениями, сложившимися между РСФСР и Веймарской республикой в Германии.

К началу 1921 г. приходы и их культовые сооружения протестантских общин продолжали действовать. Они и в досоветский период не пользовались государственной поддержкой, поэтому их положение всецело зависело от благосостояния прихожан. Но в годы мировой и гражданской войн, национализации и репрессий в отношении предпринимателей, являвшихся главными благотворителями в приходах, оно находилось не в самом лучшем состоянии. В 1920–1921 гг. по южнороссийскому региону проводилась регистрация всех культовых сооружений и религиозных общин, начиная с Ростовского округа [7. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 50. Л. 1; 7; Д. 52. Л. 121]. В докладе ответственного за «отделение церкви от государства» Карагичева, направленном 24 августа 1921 г. в Отдел юстиции Ростовского округа, сообщалось о подписании договора и с ЕЛЦ [7. Ф. Р-97. Оп. 4. Д. 53. Л. 25]. Подобные договоры были подписаны и в других регионах Северного Кавказа, объединённых в единую Юго-Восточную область, с 1924 г. — Северо-Кавказский край [14].

И всё же конфликт между властями и лютеранами оказался неизбежным даже в относительно либеральный период нэпа, когда власти одновременно осуществляли антирелигиозную пропаганду и мероприятия административного характера (контроль за религиозными общинами со стороны соответствующих органов, создание препятствий при официальной их регистрации и т. д.).

Наиболее серьёзный конфликт был связан со стремлением властей навязать верующим советскую атеистическую систему образования. Основой коренного переустройства системы народного образования в СССР стала реализация требования большевиков об отделении школы от церкви [9. С. 119-120].

В 1920-е гг. большинство школ в немецких колониях по-прежнему находились под одной крышей с молитвенными домами, содержались на средства колонистов (т. н. «договорные школы»), которые принимали на работу учителей, имевших досоветское образование. Естественно, что они не занимались антирелигиозной пропагандой. Критикуя в августе 1927 г. ситуацию, сложившуюся в «договорных школах», заместитель наркома просвещения РСФСР В. Н. Яковлева писала: «Большой спрос немецкого населения на школу не удовлетворяется существующей бюджетной сетью. Население откры-

вает школы на свои средства. Но работа таких школ многими ОНО не проверяется, необходимое руководство не проводится. Преподавание в таких школах ведётся не по программе ГУСа, а в некоторых даже учителями являются лица духовного звания, так называемые штальмейстеры» [36. С. 214]. Наркомпрос требовал от мест усилить контроль за этими школами, уволить преподавателей, являющихся лицами духовного звания, и перевести школы на финансирование из бюджета.

В то же время комиссия Совнацмена, проверявшая состояние просвещения среди немцев Армавирского, Терского и Ставропольского округов Северо-Кавказского края, выявила многочисленные «перегибы» на местах в области просвещения, вызывавшие недовольство колонистов [3. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 217. Л. 1-7].

Однако главную проблему представляло отрицательное отношение колонистов к советской школе как таковой. Они считали, что она разлагает семью и нравственность детей. Идеологическая направленность обучения, запрет преподавания религии и изгнание «старых» учителей приводили к бойкоту советских школ. Учащиеся часто не приходили на занятия. В отчете немецкого отдела Совета национальных меньшинств РСФСР за 1926 г. отмечалось, что большинство немецких школ являлись советскими лишь по форме. «Бывают случаи, – говорится в отчете, – что за так называемой аполитичностью школы скрывается совершенно определенное политическое направление, противоположное нашей политике. В некоторых местах, именно там, где имеются договорные школы и где немецкая инспектура не организована, религиозная пропаганда получает недостаточное противодействие» [3. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 111. Л. 239]. И далее: «Детские формы самоуправления, провозглашенные еще реформой 1918 г., а также пионерские отряды, судя по данным немотдела Совнацмена, в немецкой школе отсутствовали практически полностью, а если и имелись, то зачастую лишь чисто формально» [3. Ф. А-296. Оп. 1. Д. 217. С. 237].

Так как учителями в школах многих колоний были пасторы, власти делали всё возможное для их дискредитации. Только один пример по Терскому округу в последний год нэпа. В заметке окружной газеты, за подписью «Молодой селькор», сообщалось, что в колонию Марьины Колодцы приехал из Пятигорска лютеранский пастор Бонбоневич. Колонисты ему уплатили 25 руб. «командировочных». За исповедания 15-летних детей платили по 2 руб. с человека, за крещённого новорожденного – по 1 руб., с 18-летнего возраста и старше собирали по 10 коп. с человека, а «за проверку ранее крещенных детей внесли по 50 коп. с каждого». «На своих гастролях, – писал селькор, – Бонбоневич собрал с трех колоний 201 руб. и уехал с набитыми карманами. Забыли колонисты, что нет в районе ни сельсовета, ни врачебного, ни ветеринарного пункта; забыли они, что женщины на своем собрании просили изыскать средства, чтобы построить медпункт и иметь акушерку, а то калечат колонисток бабки» [5. Ф. 17. Оп. 60. Д. 1018]. Заметка заканчивалась призывом: «Пора бы нашим колонистам побольше заботиться о культурном строительстве, ведь мы далеко отстали от других колоний» [5. Ф. 17. Оп. 60. Д. 1018]. Молодой селькор лукавил; в других колониях была почти такая же картина – жители всецело доверяли пасторам.

Борьба с лютеранством приводила не к преодолению религиозности немцев-лютеран, а к усиленному распространению среди них баптизма, адвентизма, штундизма и др. Они, в отличие от лютеранской и католической церкви, вели свою работу (богослужение, изучение Закона Божьего, чтение религиозной литературы и т. д.) не в кирхах и молитвенных домах, то есть не на виду государственных органов, а завуалировано, на частных квартирах [21; 33. С. 39-41]. Заведующий подотделом нацменьшинств Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) И. Гофферт отмечал, что «немецкое крестьянство в общественном, в религиозном отношении сохранило свои особенности и свои традиции, и если лютеранство и католичество, как превалирующие формы церковности, и видоизменились, то исключительно в сторону сектантства (меннониты, баптисты, адвентисты и пр.), влияние же русской церкви на немецком крестьянстве не чувствуется» [11. Л. 50].

Действительно, верующие традиционных конфессий всё чаще стали пополнять ряды сектантских объединений. Информация о росте численности этих организаций поступала со всех регионов Юга России. Так, секретариат Северо-Кавказского крайкома РКП(б) от 10 февраля 1925 г., заслушав доклад I краевого совещания немецких секций РКП(б), в IV разделе своего решения («По антирелигиозной пропаганде») констатировал «резкое возрождение сектантства» [6. Ф. 12. Оп. 1. Д. 124. Л. 25]. Через несколько лет на заседании бюро Таганрогского окружкома от 8 апреля 1928 г. в резолюции по докладу о работе подотдела нацмен при АПО Таганрогского окружкома, в частности, говорилось: «имеется рост религиозного настроения вообще и сектантского движения в частности» [6. Ф. 12. Оп. 1. Д. 84. Л. 213].

По свидетельству партработников Кубани, проповедники взяли «на вооружение» организационные методы агитации, существующие в большевистской системе агитационно-пропагандистской работы. Они устраивали «вечера-чаепития», организовывали различные кружки. Проповедники уговаривали молодежь не посещать мероприятия в советских школах и просветительских учреждениях. Уроки Закона Божьего они проводили в нелегальных воскресных школах [33. С. 38, 40].

В информации по Армавирскому округу отмечалось, что молитвенные часы часто приурочивались к проводимым сельскими советами или избами-читальнями мероприятиям, что отрывало население от просветительской работы партийных и советских органов. При обследовании Ванновского национального района контрольная комиссия обнаружила, что в немецких населенных пунктах был установлен день отдыха понедельник, а президиум райисполкома постановил день отдыха перенести на воскресенье [21. С. 146-147]. В округе созывались окружные конференции религиозных общин для «обмена опытом». Для ведения религиозной работы организовывались кружки рукоделия для женщин. Кроме чтения и бесед по Библии, слушательницы занимались вышивкой, шитьем и вязанием разных домашних принадлежностей. Продукция поступала в так называемый миссионерский фонд и продавалась во время религиозных праздников. Вырученные деньги шли на оборудование уголков, в которых велась работа среди молодежи. Также на эти средства приобретались подарки для детей школьного возраста, устраивались семинары для проповедников, закупалась религиозная литература [12].

В связи с безрезультатной антирелигиозной пропагандой на местах Армавирский окружком принял решение: силами своего агитационно-пропагандистского отдела и окружного совета Союза воинствующих безбожников составить развернутый план мероприятий по атеистической работе специально для немецких колоний. Также планировалось усилить снабжение Ванновского немецкого района и отдельных колоний антирелигиозной литературой на родном языке [34. С. 58].

Негативное отношение руководства Северо-Кавказского края, автономий и округов (в 1930 г. вместо округов введены районы) к лютеранским общинам усилилось в связи с движением за эмиграцию из СССР. Причем если в годы нэпа в этом движении участвовала главным образом меннониты, то к концу 1920-х гг. в него вовлекается и часть лютеран. Так, в числе 5671 переселившегося в ноябре 1929 г. в Германию было: 3885 меннонитов, 1260 лютеран, 468 католиков, 51 баптист, 7 адвентистов. Главной причиной эмиграции российских немцев стала жесткая религиозная, культурная и хозяйственная политика государства, разрушавшая их традиционный жизненный уклад [20; 27. С. 48].

Поддержка властями Германии эмиграции немцев стала поводом для закрытия культовых сооружений, а также преследования пасторов (проповедников), активных членов прихода, которые, по мнению местных властей, являлись главными агитаторами за эмиграцию, наносившую мощный удар по престижу советского государства и ее экономическим интересам.

Таким образом, из прагматических соображений в период нэпа советская власть относительно терпимо относилась к протестантским конфессиям, в т. ч. к лютеранству, объединявшему большую часть немцев, проживавших на Юге России. Однако сопротивление антирелигиозной политике и раскулачиванию, а также начинавшееся движение за эмиграцию из СССР стали поводом для тотального наступления на верующих-лютеран и их пасторов.

В период «Великого перелома» 1930-х гг. оно выражалось в ещё более масштабной антирелигиозной пропаганде среди лютеран и культивировании нетерпимого отношения к этой конфессии и ее духовенству у этнических групп традиционно исповедующих лютеранство. Более того, в 1930-е гг. все лютеранские приходы были ликвидированы, а их настоятели подверглись репрессиям. На Юге России, как и по всей стране, в начале 1930-х гг. конфискуются лютеранские храмы и начинаются аресты пасторов и активных прихожан. Изъятые добротные здания молитвенных домов приспособлялись под школы, детские сады, культурно-просветительные учреждения или хозяйственные нужды.

Только два примера. В самом начале 1930-х г. у общины г. Армавира было отобрано и приспособлено под школу № 5 здание лютеранского молитвенного дома. До 1933 г. местный пастор Рихард Каспарович Гебель продолжал службу вне храма. После окончания войны здание молельного дома было снесено, а на его месте (ул. Ленина, 177) построили санитарно-эпидемиологическую станцию [8. Ф. 1. Оп. 85. Д. 13. Л. 176–177]. В 1934 г. были отобраны здание кирхи, построенное в 1882 г.; кирпичный дом пастора и помещение бывшего приходского училища у лютеранской общины г. Пятигорска. В период оккупации в отремонтированной кирхе будут проводиться богослужения, а через несколько месяцев после освобождения города (11 января 1943 г.) здание храма приспособят под детский дом для сирот фронтовиков [16. С. 219-221].

Заключительным аккордом в политике ликвидации лютеранских общин на Северном Кавказе стали первые месяцы Великой Отечественной войны, когда все немецкое население было переселено в восточные районы страны. Политическим и правовым обоснованием депортации немцев Ставрополя и других регионов Северного Кавказа стала докладная записка «О немецком населении Орджоникидзевского края» от 20 сентября 1941 г., направленная начальником краевого управления НКВД первому секретарю Орджоникидзевского крайкома ВКП(б) М. А. Суслову за 5 дней до депортации. В записке акцентировалось внимание на роли религиозных организаций в «организации подрывной деятельности» немцев против государства.

В Записке отмечалось, что на территории Ставрополя (Орджоникидзевского края), особенно в Минераловодском, Либкнехтовском, Архангельском, Бурлацком, Ипатовском, Курском, Советском, Степновском, Новоселицком, Спицевском районах на начало 1941 г. было расположено 78 немецких колоний с общим количеством населения около 46 тыс. чел., в т. ч. сельских жителей 41550 чел. «Для проведения вражеской деятельности, – читаем в документе, – германская разведка использовала существовавшие среди немцев нашего края религиозные формирования баптистов, лютеран, субботников, других и особенно их актив. До Октябрьской социалистической революции высшее руководство организациями религиозников осуществлялось “религиозными” деятелями, приезжавшими из Германии, – проповедники и пасторы являлись и являются кадровыми германскими шпионами» [7. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 213. Л. 16–29].

В Записке сообщалось, что ещё в 1932–1934 гг. агенты германской разведки проводили работу, которая в настоящее время повторяется. «Таковыми тактическими приемами являются: а) широкое использование в контрреволюционных целях евангелическо-лютеранских религиозных общин в немецких колониях нашего края; б) активное привлечение к антисоветской работе руководителей этих общин и религиозного актива; в) стремление оторвать немецкую молодежь из-под влияния комсомольских организаций и втянуть ее в религиозные общины путем создания хоровых кружков при лютеранских общинах; г) систематические выезды резидентов разведки, функции которых в основном осуществляли пасторы евангелическо-лютеранских общин, в немецкие колонии, сборы ими религиозного актива и интенсивная обработка его в антисоветском националистическом духе, а также и вербовка религиозников для разведывательной и антисоветской работы» [7. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 213. Л. 17]. Указывалось, что обвиняемые лютеранские пасторы Юргенс и Геросянц дали признания, позволяющие заключить, что они «немецкие разведчики, ныне осужденные, связанные в прошлом шпионской работой с одним из активных участников ликвидированной группы – арестованным Гебелем, насадили в ряде колоний нашего края, используя свои связи среди религиозного актива, антисоветские, националистические группы, являющиеся своеобразным резервом для подбора шпионских кадров германской разведкой. Обвиняемый И. К. Гебель 15 октября 1940 г. показал: “Юргенс мне поручил вместе с руководителями лютеранских общин, которые по существу являлись руководителями контрреволюционных групп в колониях, поднять религиозность среди верующих немцев, вовлекать в общину побольше немцев, особенно молодежь”» [7. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 213. Л. 22].

В Записке речь шла о парикмахере Иване Карловиче Гебеле, родившемся в 1895 г. в Минеральных Водах; проживавшем до ареста 20 августа 1940 г. в г. Пятигорске [23]. Там же приводились его признания: «В немецких колониях, в которых я побывал, существовали так называемые лютеранские общины, которые возглавлялись кулацкой верхушкой колонии, эти лютеранские общины по существу или, вернее, под маркой этих общин скрывались контрреволюционные формирования, проводившие антисоветскую работу. Эти общины в своей контрреволюционной деятельности руководились пастором Юргенсом путем личного посещения им этих общин. Кроме того, Юргенс периодически командировал в немецкие колонии близко связанных с ним лиц» [7. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 213. Л. 23].

Фамилия Юргенса в Записке фигурировала неоднократно. Сообщалось, что в 1940 г. в Минеральных Водах ликвидирована «контрреволюционная националистическая и диверсионная организация», состоявшая из 11 чел., «созданная пастором евангелическо-лютеранского вероисповедания Юргенсом Вольдемаром Александровичем, который был связан с представителями германских разведывательных органов и имел от них задание на проведение в Орджоникидзевском крае широкой контрреволюционной националистической и шпионской работы в пользу Германии. Созданная Юргенсом и возглавляемая немцем Гебелем контрреволюционная националистическая и диверсионная организация стояла на позициях активной борьбы против Советской власти» [7. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 213. Л. 16–29].

После всего описанного выводы были весьма предсказуемы: «В целях предупреждения подрывной деятельности контрреволюционного элемента из числа немецкого населения, в особенности, в наиболее уязвимых местах (район Кавмингруппы, Невинномыска, Георгиевска и др.) и нанесения ущерба государству в этот напряженный период отечественной войны возникает необходимость решения вопроса о возможности переселения немецкого населения из указанных выше районов в другие места нашего края или за его пределы» [7. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 213. Л. 16–29].

Таким образом, ещё до начала Великой Отечественной войны лютеранские приходы прекратили своё существование по южнороссийскому региону. По данным О. А. Лиценбергера, за 20 лет советской власти из 350 лютеранских пасторов в СССР были репрессированы около 130 чел., из них более 90 отбыли длительные сроки заключения в лагерях, 22 умерли в неволе, 15 были расстреляны органами ГПУ, четверо пропали без вести. Более 100 эмигрировали из страны. По различным причинам должности пасторов оставили примерно 20 чел. До настоящего времени нет сведений о судьбе ещё 80 пасторов. За этот же период по всей стране были закрыты 287 лютеранских церквей [25]. В то же время ликвидировать приверженность немцев к лютеранской конфессии советской власти не удалось. На новом месте, в восточных районах страны, российские немцы-лютеране старались сохранить свой традиционный уклад, продолжали совершать религиозные обряды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК).
2. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия – Алания (ГАНИ РСО – А).
3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО).
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
6. Центр хранения документации по новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК).
7. Центр хранения документации по новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО).
8. Центр хранения документации по новейшей истории Ставропольского края (ЦДНИСК).
9. Директивы ВКП(б) и постановления Советского правительства о народном образовании за 1917–1947 гг. // Приложение к журналу «Советская педагогика» за 1947 г. / сост. Н. И. Болдырев. Вып. 1.
10. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (последняя четверть XVIII – середине XX в.): сб. док. / сост. и науч. ред. Т. Н. Плохотнюк. Ставрополь, 2002.
11. Ленинский путь. Ежемесячный журнал Северо-Кавказского крайкома ВКПб. № 5. 1929. Май.
12. Терек. 1927. 19 июня.
13. *Акопян В. З.* Отношение к первой мировой войне дисперсных этносов Юга России // Диалог со временем. 2015. № 53.
14. *Акопян В. З.* Краткий очерк по истории немцев Северного Кавказа. Пятигорск, 2005.
15. *Акопян В. З., Ермаков В. П., Милжаева Л. И.* The «Local» form of the National and territorial autonomy and the possibility of the application of its experience // Word Applied Sciences Journal. 2013. № 8.
16. *Боглачев С. В.* Архитектура старого Пятигорска. Пятигорск, 2007.
17. *Городецкий Б. М.* Немецкое землевладение на Кубани. Екатеринодар, 1915.
18. *Гостиева Л. К.* Немцы Северной Осетии: история и современность // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы российско-германской науч. конф. Анапа, 22–26 сент. 1994 г. М., 1995.
19. *Далгатов Л. Г.* Политика Советского государства по отношению к неправославным вероисповеданиям (октябрь 1917-го – конец 1930-х годов): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003.
20. *Деннингхаус В.* В тени «Большого брата». Западные национальные меньшинства в СССР. 1917–1938 гг. М., 2011.
21. *Игнатова М. Е.* Греческий и немецкий (Ванновский) национальные районы Краснодарского края в 20–40-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
22. *Ионова З. Н.* Взаимодействие государственных органов и религиозных объединений на Черноморском побережье Краснодарского края в 40-х гг. XX в. // Общество: философия, история, культура. 2016. № 6.
23. Книга памяти Ставропольского края // URL: <http://lists.memo.ru/d8/f181.htm> [12.07.2016].
24. *Князева Е. Е., Соловьёва Г. Ф.* Лютеранские церкви и приходы в России XVIII–XX вв. Исторический справочник. СПб., 2001.
25. *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-лютеранская церковь и советское государство (1917–1938): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997.
26. *Лиценбергер О. А.* Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М., 2003.
27. *Лиценбергер О. А.* Лютеранская церковь в Саратовском Поволжье в годы Советской власти // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге: материалы науч. конф. М., 1995.

28. Малаховский Е. И., Лантев Г. Ф. Храмы Ростова-на-Дону утраченные и существующие. Ростов н/Д., 2003.
29. Обзор политического состояния СССР за январь 1927 г. // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 5. М., 2003.
30. Одинцов М. И. Государство и церковь в России: XX век. М., 1994.
31. Плохотнюк Т. Н. Немецкое население Северного Кавказа: социально-экономическая, политическая и религиозная жизнь (конец XVIII – середина XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 1996.
32. Статистика Российской империи. Сборник сведений по России. СПб, 1890.
33. Терещенко А. Г., Черненко А. Л. Российские немцы на Юге России и Кавказе. Энциклопедический справочник. Ростов-н/Д, 2000.
34. Фаст А. А. В сетях ОГПУ-НКВД (Немецкий район Алтайского края в 1927–1938 гг.). Барнаул, 2002.
35. Черобаев С. Краснодар и хутор Семеновский // URL: <http://www.agruz.info/app/webroot/library/6/391/index.htm> [12.07.2016].
36. Шнайдер В. Г., Ктиторов С. Н. Немцы Армавира. Армавир, 2012.
37. Эмиграционное движение советских немцев в конце 20-х годов / публ. Л. П. Кошелева, Л. А. Роговой и Г. А. Бордюгова // Свободная мысль. 1993. № 12.
38. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: эмиграция и репрессии. Документы и материалы / сост. и науч. ред. А. И. Савин. Новосибирск, 2009.

Поступила в редакцию 20.04.17

V.Z. Akopyan

STATE CONFSSIONAL POLICY IN RESPECT TO LUTHERAN PARISHES OF THE NORTH CAUCASUS IN 1920–1930s

The article discusses the religious policies of the Central and regional authorities in relation to Lutheran parishes at the Don and North Caucasus during the first Soviet decades. As a result of realization of anti-religious policy in 1930s, Lutheran parishes were liquidated, places of worship were closed, and clergy was persecuted.

Keywords: South Russia, the Evangelical Lutheran Church, confessional politics, Russian Germans, pastors, Church, repression, deportation.

Акопян Виктор Завенович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
исторических и социально-философских дисциплин

ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9
E-mail: zaven2005@yandex.ru

Akopyan V.Z.,
Candidate of History, Associate Professor at Department
of Historical, Social and Philosophical Disciplines

Pyatigorsk State University
Kalinina st., 9, Pyatigorsk, Russia, 357532
E-mail: zaven2005@yandex.ru